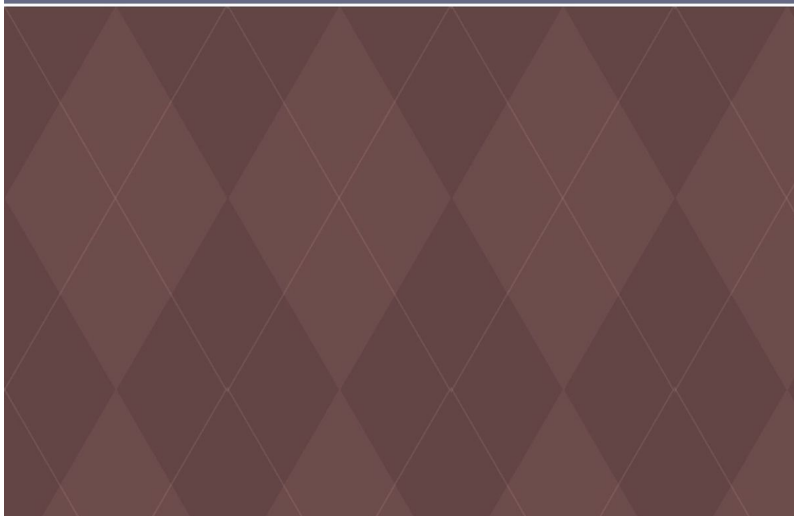

Евгения Баграмова

*Вспышки,
полосы
и полутона*

Евгения Баграмова
Вспышки, полосы и полутона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187566

ISBN 9785449061546

Аннотация

5-й сборник прозы и стихов сибирской поэтессы Евгении Баграмовой, лауреата премии им. В. П. Астафьева. Рассказы о пережитом и увиденном.

Содержание

Жизнь первая	5
Отец	5
Дюбеля...	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вспышки, полосы и полутона

Евгения Баграмова

Иллюстратор Евгения Баграмова

© Евгения Баграмова, 2018

© Евгения Баграмова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-6154-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь первая

Отец

Мне шесть лет. Неожиданное оживление в старшей группе детского сада. Разрумянившая воспитательница неожиданно по-доброму зовет меня, как всегда читающую, к входным дверям. На пороге мой отец, в форме цвета хаки и в необычной кепке. Он приехал! И пришел за мной в детский садик, чего раньше не бывало. Высокий, сильный, смеющийся. Мы провожали его в феврале 1987 года холодным утром из здания с вывеской «военкомат». Спросив у мамы: «Он поехал на войну?» получила тогда, от нее сквозь слезы ответ «Нет, не на войну, но там будет так же страшно». Но ведь он вернулся! Такой же, как и уезжал. Только нарисованного мной ему в путешествие петушка обратно не привез. Галдящие мальчики, подслушавшие их с воспитательницей разговор, выкрикивают слово «рация», «рация». Он с улыбкой поправляет их «радиация». Он вернулся из Чернобыля. Только через десять лет я начну осознавать, что Чернобыль был бедой того времени, бедой страны, бедой, искалечившей судьбу моего отца и миллионов других, молодых и красивых мужчин. А пока я важно вторю отцу в ответ на шепотки глухих детей: «Не рация, а радиация». И иду с ним, счастливая,

домой, с восторгом слушая его рассказы о ящиках с шоколадом в столовой. Счастливая, ведь это мои последние денечки в дет. саду, потому что май и осенью я уже пойду в школу!

Мне двадцать лет.

После перенесенной операции я беру академический отпуск и провожу много времени дома.

Сходив с утра на и не столь важные работы, к обеду я возвращаюсь домой и смотрю, как отец вытачивает рукоятки для ножей.

Еще той зимой мы с отцом много разговаривали. Раньше не было такого, потому-что я редко бывала дома и у каждого из нас были свои дела. У меня работа, у него бесконечные суды с соц. защитой. Но той зимой у нас появился некий ритуал. Когда мама и бабушка уже спали, мы наливали по кружке крепкого сладкого чая, закуривали по сигарете и начинали разговор.

Он стал мне рассказывать о Чернобыле. То, чего маме не говорил. Берег ее. А я после операции стала, видимо, уже дозревшей до этих тяжелых его воспоминаний. Рассказывал о том, как там «на крыше». Когда вроде бы и солнце весеннее светит и ветерок, только затылком смерть чувствуешь. Невидимую такую.

Он был капитаном пожарной бригады во время поездки. Родина тогда, в 1986 году сказала: «Надо». 26 апреля только пара строк в газете была об этой аварии. Только пара строк.

Уехав в феврале 1987 года, мой отец пробыл там на месяц

больше, чем ожидалось, ждал сменяющую группу, и вернулся только в мае. Получил очень большую дозу, так показывали дозиметры, а как было на самом деле – не узнает уже никто.

Он рассказывал мне о тех страшных приказах, которые ему, как офицеру по долгу службы приходилось отдавать. Одним из таких был выезд на ликвидацию поселений. Для того, чтобы мародеры не расхитили зараженные вещи, засыпали дома. Ровняли их с землей полностью. С их кроватями, колыбелями, занавесками, не убранной со стола посудой. Не у всех выдерживали нервы.

Рассказывал, что контингент в его пожарной бригаде был совершенно разного уровня образования, разной национальности, разных устоев. Ему, как офицеру, представляли отчет о ходе выполнения работ, и однажды, один из ликвидаторов, что был родом из какой-то украинской глубинки, на вопрос об уровне радиации на крыше ответил: «Много радиации. Летает там повсюду, я сам видел – здоровая такая! Во!» И развел руками...

Говорил о молодом парне, который взял с крыши камушек «маме показать» и прожил после этого чуть более двух недель, о молодом мужчине, который отказался выполнять выезд в «зону» (по законам военного положения отказ приравнивался к дезертирству), много о чем еще...

Я спросила его в один из вечеров: «У тебя же была возможность не поехать, дедушка был все же главным инже-

нером краевого управления пищевой промышленности, старые связи, поддельные справки о кривой перегородке в носу и т. д. Была ведь возможность? Почему ты отказался?». Он ответил тогда кратко и четко: «Чтобы глаза потом всю жизнь не прятать при встрече».

Отцу...

Вчера я видела реку и белых чаек. Солнечный свет
И облака. И о чем-то смеялись люди,
И катера заводили свои моторы. Только тебя больше нет
Тебя больше уже не будет. Уже никогда не будет.
Но все так же стоят в величии своем горы,
Все также вихрятся волны о камни. Отец,
Как бессмысленны, как пусты разговоры.
Тебя больше нет. Совсем больше нет. Конец...

Уже после его ухода я набирала стихи неизвестных черныбыльцев. Стихи, родившиеся там, «в Зоне». Один из них был о том, что в борьбе с радиацией за «каждую горсть черешни, за каждую пядь земли» поднялась вся страна «от Горного Кавказа до каменных степей». Прошло менее тридцати лет, и Россия стала главным врагом Украины. Мир жесток и несправедлив, это не новость и не открытие.

Людей так легко рассадить по вагонам,

По эшелонам, по паровозам.
Продать им сладкой иллюзии дозу,
И они будут радостно хлопать в ладоши
Или показывать кулаки.
Всё в этом мире движется по спирали
И машинисты бездумно жмут на свои педали,
Лишь кораблям нужны обязательно маяки.
А катерам нужны волны и птичьи стаи,
Солнце сквозь тучи, лески на удилах.
Только земля всегда зацветает в мае.
Как тут не вспомнить об обещанном рае?
Но паровозы всё тащат вагоны до новых плах.

Дюбеля...

Она очень любила её. Свою работу. Они познакомились, когда ей еще не было и 20 лет. Сначала все шло легко, и заказчиков у экспедиторской фирмы было совсем немного. Когда, спустя год с небольшим, компания переехала в новый пятикомнатный офис, с коммутатором на котором было пять телефонных линий, стало жарко.

В трудовой книжке она значилась секретарем, но суть её должности была не только в ответах на звонки, даже совсем не в этом. Её дело было принять заявку, передать в нужный город, отследить перемещение груза и подготовить людей и документы к встрече по прибытии. В общем-то, ничего сложного тоже. Но кроме оформления заявок надо еще было терпеливо и доброжелательно выслушивать клиентов. За три года работы коллектив стал ей почти семьей, офис – вторым домом, а клиенты с их эмоциональными то просьбами, то требованиями почти родными людьми.

Одновременно учась на дневном отделении, она лавировала между учебой, работой и попытками избегать сомнительных предложений в то суровое время.

Целью было получить диплом о высшем образовании и, набравшись опыта, подниматься по карьерной лестнице.

Всегда глубоко проникалась рассказанными заказчиками положением вещей, осознавала ответственность и кожей

чувствовала их эмоции. Один из клиентов, немолодой, уже седеющий мужчина был всегда вежлив, особо не капризен, но всегда скрупулёзно объяснял, что происходит на мебельных фабриках, если не приходят точно в срок детали для сборки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.